

Ведь мы же с тобой ленинградцы,
Мы знаем, что значит война.

Мы знали отчаянья смелость
В блокадных ночах без огня,
А главное, очень хотелось
Дожить до победного дня.
Нам с этим вовек не расстаться,
В нас подвигу память верна...
Ведь мы же с тобой ленинградцы,
Мы знаем, что значит война.

М. Дахие. Ведь мы же с тобой ленинградцы

Пролог

21 июля 2014 года, Санкт-Петербург

Много ли надо в жизни старику — только удобное кресло и телевизор. А что еще делать, когда ты уже еле-еле ходишь по собственной квартире. Дети давно разлетелись, повзрослев, а жена умерла десять лет назад, да и сам ты скрипишь уже из последних сил. Единственная отрада — когда дети привозят внуков, и эти башибузуки носятся по квартире. Вот только надолго их у меня не оставляют, да и мне уже стало тяжело с ними возиться: возраст, будь он неладен, берет свое.

Я как раз смотрел выпуск новостей об Украине, когда показали кадры обстрела укровояками жилых кварталов Донецка. Я смотрел и не мог поверить, что такое может случиться в наше время и почти в нашей стране. Уроды. Я смотрел на кадры обстрела, а в груди нарастало напряжение, перешедшее в жжение. Появилась боль в плечах и спине, закружилась голова, а потом сдавило сердце. Трясущимися руками я потянулся к таблеткам и стакану с водой, которые всегда стояли рядом с моим креслом на журнальном столике, но дотянуться не успел. Последнее, что мне запомнилось, прежде чем я погрузился в темноту, — это как я неловко начал заваливаться на журнальный столик.

Глава 1

18 июля 1937 года, Ленинград

Я проснулся оттого, что мне в глаз светил луч солнца, который пробивался через щель в неплотно задернутых шторах, которыми было занавешено окно комнаты. Не понял... В глаза бросилась не моя квартира и не больничная палата, где я по идее должен был очнуться, а старые, салатного цвета обои, витой шнур проводки, идущий по стене на редких точках старинных фарфоровых изоляторов, и большая тарелка старого репродуктора, из которого негромко звучала песня:

Все выше, выше и выше
Стремим мы полет наших птиц,
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ.

«Марш авиаторов» — сразу узнал я эту старую песню. Как давно уже я ее не слышал. Оглядевшись вокруг, я в недоумении замер: это была моя старая комната в коммуналке, в этом не было никакого сомнения. Справа стояла пустая кровать моего младшего братишки, а напротив нее, рядом с платяным шкафом стояла кровать сестры. Их обоих не было в комнате.

Встав с кровати, я подошел к стене, на которой висел отрывной календарь, на котором стояло «17 июля 1937, Суббота». Насколько я помнил, листки календаря каждый раз отрывал я, утром, как только вставал, а если меня не было, то за меня это делала Иринка.

Тут как будто в голове переключился какой-то тумблер, но сразу всплыло, что сеструха в это время вместе с однокурсниками пошла в поход, а брат вместе со своим классом — в пионерском лагере. А главное, я сам был МОЛОДЫМ!!! Что произошло, почему я, судя по

всему после своей смерти, очнулся в прошлом, в своем собственном теле?

Тут из соседней комнаты послышался такой знакомый и, казалось бы, уже давно и прочно забытый голос мамы:

— Олечка, сынок, завтракать будешь? Я твоих любимых сырников напекла.

Это действительно был голос моей матери. Мама! Такой родной и знакомый голос, а ей самой в этом году только сорок лет исполнилось.

А передо мной в голове тут же появился мрачный мартиролог. Мама: она погибнет в феврале 1942 года, когда попадет под артобстрел. Хоронить будут только верхнюю часть тела: от нижней просто ничего не останется после взрыва тяжелого снаряда. Отец: он пропадет без вести под Лугой, куда уйдет в составе дивизии народного ополчения защищать свой родной город. Иринка погибнет в августе 42-го, когда в дом, на крыше которого она будет дежурить, упадет не зажигательная, а фугасная бомба. Колька, наш младшенький: полуторка, в которой его вывозили вместе с классом, уйдет под воду в незамеченной водителем машины польнье 21 декабря 41-го, из машины не спасется никто. Родители отца просто замерзнут у себя дома в январе 42-го, а родители матери умрут от голода в течение одной недели в том же январе.

Одновременно с этим я вспомнил дневник Тани Савичевой, он просто огненными буквами всплыл в моей голове:

«28 декабря 1941 года. Женя умерла в 12.00 утра 1941 года».

«Бабушка умерла 25 января в 3 часа 1942 г.».

«Лека умер 17 марта в 5 часов утра. 1942 г.».

«Дядя Вася умер 13 апреля в 2 часа ночи. 1942 год».

«Дядя Леша, 10 мая в 4 часа дня. 1942 год».

«Мама — 13 мая в 7 часов 30 минут утра. 1942 г.».
«Савичевы умерли». «Умерли все». «Осталась одна Таня».

Сама Таня Савичева умерла 1 июля 1944 года, уже в эвакуации: прогрессирующая дистрофия, цинга, нервное потрясение и костный туберкулез окончательно подорвали ее здоровье. Ей было всего 14 с половиной лет.

А ведь еще была и моя Варя, Варенька... Она погибла в июне 1942 года.

14 июня 1942 года, Ленинград

В этот день я вечером, после работы, побежал к своей Варюше. На стук дверь мне открыла Ирина Федоровна, мать Вари. Вся заплаканная и какая-то постаревшая, она посторонилась, пропуская меня в квартиру.

— Олег, это ты. А у нас горе: Вареньку убили сегодня утром. Отобрали карточки за три дня и твою цепочку с кулоном с шеи сорвали. По словам соседки, ее двое парней грабили, она сопротивлялась, вот они ее ножом и ударили. Как же я теперь буду без своей Вареньки?..

Ирина Федоровна снова расплакалась, а я стоял словно оглушенный. Перед моими глазами стоял образ смеющейся Варюши в развевающемся легком летнем платье.

Через пару недель я случайно увидел подаренную мной Варе золотую цепочку с кулончиком на Тамарке, молодой девице, которая с молодости путалась с прибалтненными ребятами нашего района. В первый момент я не сразу узнал цепочку, а потом, когда сообразил, что это за цепочка с кулоном (кстати, ручной работы: мне ее знакомый ювелир, друг отца, для

Вари делал, так что ошибиться было нельзя, так как это была штучная работа), то рванул вслед за Томкой.

Быстро ее догнав, развернул к себе и, сорвав с нее цепочку, злобно проговорил:

— Откуда у тебя эта цепочка?!

— А ну, пусти! И цепочку отдай, она моя!

— Слышь ты, шалава гребаная, отвечай! Откуда у тебя эта цепочка?!

— Она моя!

Сдавлив в кулаке ворот ее платья, так что ей стало трудно дышать, я, уже едва сдерживаясь, прорычал:

— Удавлю, тварь! Эту цепочку я подарил своей невесте, а пару недель назад ее убили и ограбили! КТО... ТЕБЕ... ЕЕ... ПОДАРИЛ?! Ну, отвечай, а то сейчас удавлю как сообщницу этих уродов!

Томка заметно струхнула, так как поняла, что я на взводе и могу действительно ее удавить, а потому быстро проговорила:

— Да Витька Губа мне ее дней десять назад подарил. Откуда я знала, что она ворованная?

Витька Губа был приклатненным шпынем в нашем районе и обычно работал на пару со Степкой Шкетом. Свою кличку Витька получил за заячью губу, а Степка был просто мелким, вот его Шкетом и звали.

— Если хоть слово этим уродам вякнешь — УДАВЛЮ, ТВАРЬ! Поняла меня?

— Да-да, поняла, буду молчать как рыба, только не убивай.

До Томки наконец дошло, что ни в какую милицию я ее не потащу, а могу просто удавить на месте, вот она и испугалась по-настоящему. Забрав цепочку и отпустив Томку, я ушел. В милицию я не пошел: доказательств у меня никаких, а теперь и Томка просто скажет милиционерам, что она эту цепочку первый раз в жизни видит.

С этого дня в моем кармане всегда лежал кусок тонкой, но прочной веревки, а я после работы ходил

по улицам нашего района. И в конце июля мне все же повезло: я увидел Витьку Губу. Он как раз шел в мою сторону, и я, когда он поравнялся со мной, сделал шаг ему за спину и накинул на шею выхваченную из кармана веревку, после чего резко сдавил ее, разводя из-за всех сил свои руки в стороны.

Витька задержался, пытаюсь освободиться, а я продолжил его душить и тихо прохрипел ему в ухо:

— Ну что, урод, добегался? Думал, только ты будешь людей убивать? Это тебе за мою Варю!

Наконец Витька перестал дергаться, под его ногами натекла желтая лужа и завоняло дерьмом. Но я на всякий случай еще пару минут подержал веревку на его шее, чтобы, как говорится, с гарантией отправить этого подонка в мир иной. Один готов, но оставался еще один ушлепок, который убивал мою девушку.

Шкета я отловил через полторы недели. Он, видимо, что-то почувствовал, потому что когда я к нему подошел, то он выхватил финку и стал выводить ею круги. Я был не в лучшей форме: сказывался голод. Но все же перехватить его руку с финкой смог, после чего, вывернув ее, насадил Шкета на его собственный нож. Вытащив его руку, я снова с силой ударил его ножом в живот и потянул его руку с зажатой в ней финкой на себя, разрезая плоть и увеличивая рану, пока из распоротого живота не стали вываливаться наружу кишки.

— Это тебе, тварь, за мою невесту! Жизнь за жизнь! А то милиции еще доказывай, что это ты со своим подельничком Губой ее убили и ограбили.

Шкет умирал почти полчаса, и все это время я стоял рядом и молча смотрел на него, а потом, плюнув на его труп, пошел к Ирине Федоровне. Она была дома и открыла мне дверь, когда я стал в нее стучать.

— Добрый вечер, Ирина Федоровна. Я нашел и наказал убийц Вареньки. Теперь она может спать спокой-

но, зная, что ее убийц постигла кара и они больше не топчут нашу землю.

— Олежка, почему ты их не сдал в милицию?

— А доказательства, Ирина Федоровна? Доказательств нет: ваша соседка их лиц не видела и опознать их не сможет. Да и кроме того, только удавив их своими руками, я смог потушить пожар в своей душе. Знаю, Варю этим мне не вернуть, но хотя бы я спас других Варь от этих нелюдей: больше они никого не убьют и не ограбят.

Кстати, эта шалава Томка пережила блокаду и войну. Я ее иногда встречал, и каждый раз, как она меня видела, тут же испуганно отходила в сторону. Других последствий для меня это не имело: ни милиция, ни возможные дружки Губы и Шкета ко мне не приходили.

18 июля 1937 года, Ленинград

Я вспомнил все это и понял, что просто не смогу жить, если не попытаюсь все это изменить. Я не могу отменить войну, но я могу постараться как минимум сделать так, чтобы на начало войны у нас были не еще сырые Т-34 и КВ, а целая линейка новой бронетехники с уже всеми необходимыми усовершенствованиями, доведенной до кондиции, с вылеченными детскими болезнями.

С 1936 года я работал на заводе № 174 имени Ворошилова в конструкторском бюро, а затем, уже во время войны, перешел на Кировский завод, где и проработал до самой своей пенсии, проектируя танки и другую бронетехнику. Я не знаю, кто или что перенесло меня в мое собственное прошлое, но оно сделало мне просто шикарный подарок: я помнил все, что со мной было в моей жизни, а также все чертежи, которые я чертил или видел.

Да, моей последней работой был Т-72 первого поколения, но сейчас его не сделать: слишком сложно для нынешней промышленности, нет еще необходимых для его производства технологий. Но вот наладить к началу войны выпуск Т-44 и ИС-3 вполне реально. Реально чисто технически, но только как мне добиться разрешения на их разработку — вот в чем вопрос. Ведь сейчас я никто и звать меня никак. Начальство со мной даже говорить не будет, предложи я ему разработать новые танки. Короче, будем думать, а пока надо снова вжиться в эту жизнь, а то отвык я давно от этого времени.

Быстро одевшись, я вышел из нашей комнаты в комнату родителей. Комната родителей была раза в два больше нашей: если наша была около двенадцати квадратных метров, то родительская — около двадцати. Нам, то есть нашей семье, в плане жилья, можно сказать, повезло: у нас было целых две комнаты в коммуналке, причем и сама коммуналка была небольшой, всего пять комнат. Наш дом стоял на набережной реки Фонтанки, у Ломоносовского моста, причем мы жили во флигеле, который располагался во дворе. Хоть двор был и небольшой, но места для маленького зеленого скверика с фонтаном посередине там хватало, и наши окна выходили как раз в этот скверик.

Наша комната была самой крайней, рядом с парадной, и из нее шла дверь в комнату родителей. Раньше была еще дверь и в коридор, но ее заложили еще до меня; кто и когда, не знаю, просто у соседей с других этажей из такой же комнаты выходы были только в коридор. За комнатой родителей была еще одна большая комната, там жила молодая семья. Виктор — достаточно молодой парень, на несколько лет старше меня, — жил там со своей женой Настей и двухгодовалой дочкой Аней. С другой стороны коридора в большой угловой комнате жила тетя Валя (просто привык так называть ее с детства), она служила в какой-то

конторе. Потом была узкая комната наподобие нашей, в которой жила баба Таня, пенсионерка, и затем большая кухня.

Туалет с умывальником был в конце коридора, вот туда я пошел, по дороге поцеловав маму. Как мне хотелось обнять ее изо всех сил и никуда не отпускать.

Вернувшись, мы с ней и отцом позавтракали, а потом я стал собираться. Ведь моя Варюша снова жива и здорова, а я не видел ее целых 72 года — целую жизнь. Хорошо, что сегодня воскресенье, выходной: у меня есть достаточно времени, чтобы все обдумать и привыкнуть к новой старой жизни (такой вот каламбур получается).

Я спулся по лестнице вниз (а жили мы на втором этаже), когда заметил у дверей квартиры под нами фигуру человека с костылями и вещмешком на спине. Это был наш сосед, дядя Петя. Я, сделав удивленное лицо, спросил его, что случилось.

Это в своей старой жизни я знал, что танкист майор Петр Нечаев одним из первых отправился воевать в Испанию осенью 1936 года. В середине октября 1936 года он прибыл в Испанию в составе экипажа танков Т-26, которые отправило на помощь республиканцам правительство СССР. Нечаев вошел в состав первой интербригады под командованием Манфреда Штерна, австрийского коммуниста, гражданина СССР. А сейчас я не должен был знать, что с ним случилось, вот и пришлось ломать комедию.

Но нет худа без добра: мне нужен был официальный источник знаний об эффективности наших танков в бою. Дядя Петя для этого подходил отлично. Да, вот такая я циничная сволочь, а что делать? Как мне иначе залегендировать мои знания о боевом применении наших танков, если я официально всего лишь молодой инженер-конструктор, только недавно закончивший учебу и ни в какие командировки в горячие точки не ездивший?